

Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность

А.И. ТРЕЙВИЩ, А.В. КУРАСОВ

Статья подготовлена по материалам доклада авторов «Постиндустриальная экономика и города» на сессии L-02 «Трансформация социального неравенства в городских регионах» (руководитель сессии О.И. Шкаратан), проходившей в рамках IX Международной конференции ГУ–ВШЭ «Модернизация экономики и глобализация» (Москва, 1–4 апреля 2008 г.).

Постиндустриализация, глобализация и феномен мирового города

Постиндустриализм, постиндустриальный социум и экономика – более или менее очевидная глобальная и национальная реальность, в том числе для России. Сами термины давно прижились и широко разошлись¹. Но они не самые удачные. Что значат все эти «пост» (в постмодернизме или посткоммунизме тоже), кроме очередности, следования за чем-то более содержательным? Суть первобытного собирательства, аграрных, индустриальных формаций, укладов или стадий видна из названий. Понятно, что и постиндустриальные ее не лишены. Но если обозреть море литературы, смыслов окажется слишком много.

Даже отсеяв все явно побочное и ограничившись экономической сферой, придется оставить, как минимум, две ипостаси. Получится, что постиндустриальная экономика, во-первых, экономика услуг, т. е. сервисная (свободного времени и т. д.), а во-вторых, информационная, экономика знаний (и заодно управления, контроля, а также нужных им технологий). Эти сущности соответствуют третичному и четвертичному секторам. Их доминирование над первичными (доаграрными, аграрными, в некоторых версиях аграрно-добывающими) и вторичным индустриальным (обрабатывающим) секторами служит едва ли не

¹ В начале XX в. их ввел в науку для исторической симметрии традиционализму культуролог-востоковед А. Кумарасвами [Coomaraswamy 1914]. Его первому последователю социалисту А. Пенти просто не нравился тогдашний гипериндустриализм. Позже Д. Рисман, Д. Белл, А. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт, М. Кастельс и др. создали теорию постиндустриального общества, уже скорее со знаком «плюс».

главным признаком «постиндустриализации»². Правда, количество, или доля и качество, или роль – не одно и то же.

Кроме того, очередность смены секторов-лидеров неодинакова. Основных путей два: европейский и американско-азиатский [Трейвиш 2004 и др.]. В старопромышленной Европе вторичный сектор одно время охватывал 50% и более занятых. У США, Канады, Японии и новых тигров-драконов Азии он, как везде, долго уступал аграрному и потом – сразу сервисно-информационному. Называть США и Японию постаграрными странами как-то неловко, а неофитам постиндустриализма, всяким «райским островам», где никогда не было настоящей индустрии и ее трудовых армий, термин подходит. Варьирует и последовательность возвышения постиндустриальных секторов: четвертичный сектор «в норме» следует за третичным, однако они могут расти дружно, а иногда в очередности отмечается инверсия. От этого зависят характер постиндустриального развития, его уровень и качество.

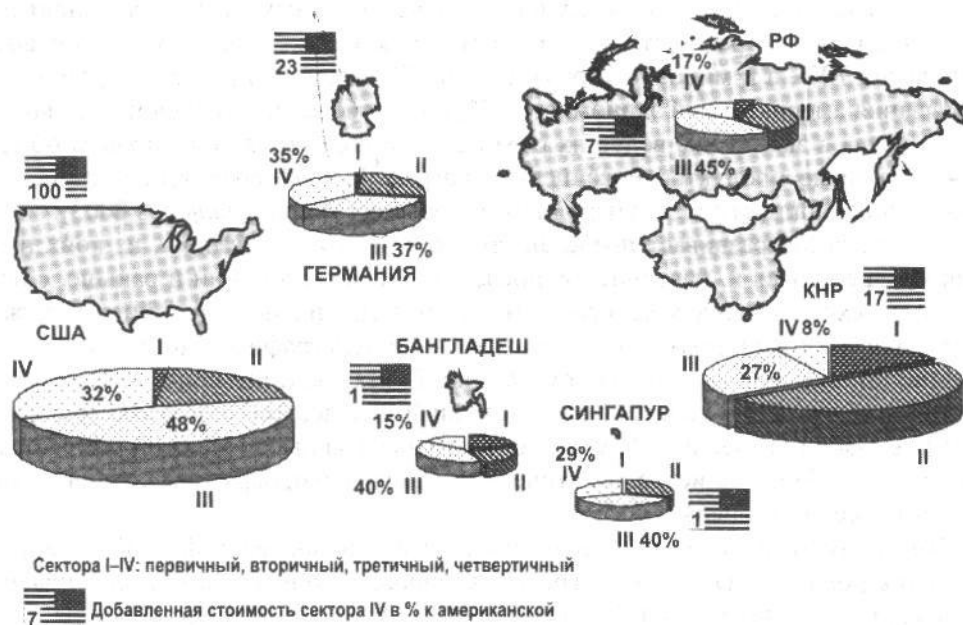

Рис. 1. Четырехсекторный состав ВВП/ППС шести избранных стран в 2005 г.

Правда, измерить долю четвертичного сектора отдельно от третичного бывает не так легко. Но можно, хотя бы приблизительно и на примерах. По нашей

² Это знал Д.И. Менделеев (См. [Менделеев 1907]). По переписи 1897 г. он разделил «кормильцев» на добывателей, берущих сырой материал в природе, промышленников, перерабатывающих сырье, и лиц, дающих обществу что-то совершенно иное, чем хлеб насущный. За промышленной эпохой он ожидал «сложнейшую», но с крайним упрощением способов добычи пищи, одежды и крова. Через 30 лет вторичный сектор стал уступать третичному: индустриализацию сменяла терциаризация [Fisher 1939; Clark 1940]. Термины здесь по-своему алогичны. Или индустриализацию надо звать «секундаризацией», или терциаризацию – «сервисизацией». А вот «квартеризации» не слышно, в отличие от информатизации.

оценке, его вклад в ВВП России средний – 16–18%. Это вдвое меньше, чем в США, и вдвое больше, чем в Китае. По объему в долларах с учетом ППС наш четвертичный продукт составит лишь 7% американского, в 2–3 раза уступит китайскому и немецкому. В СССР он был больше и качественно опережал третий (советский сервис часто называли «ненавязчивый») за счет науки и техники, необходимых сверхдержаве для военного паритета с Западом. Вот и инверсия. Сейчас все наоборот: доля сферы обращения и рядовых услуг (45%) скорее гипертрофирована: чуть ниже, чем в США, и выше, чем у ряда туристических, оффшорных и торговых гаваней вроде Сингапура (рис. 1).

Информационная и сервисная экономики зависят от пространства и влияют на него по-разному. Информация быстро летит по свету, почти всюду проникает, многих – хотя бы виртуально – соединяет, а такие услуги, как туристические, муниципальные, социальные, большая часть медицинских и образовательных, «неторгуемы». Либо их экспорт «невидим». За ними едут или – ради коммунальных услуг, привязанных к недвижимости, – как раз не едут, сидят на месте. Они менее транспортабельны, чем сам клиент. Доля услуг в мировом ВВП выше 70%, а в мировой торговле – до 25% (хотя она растет). Эффект запаздывания американский экономист С. Кузнец отмечал и для первой половины XX в., когда в экономике ведущих стран царила индустрия, а в мировом обмене – первичные продукты. Российский географ Л. Синцеров теперь пишет о вечной инерционности международного разделения труда [Синцеров 2003].

Тот же автор развивает представление о *волнах глобализации*, из коих нынешняя – не первая и, наверное, не последняя. Накатывали они и раньше, с немалым успехом по меркам своего времени. До Первой мировой войны мир уже опутывали сети железных дорог, пароходных и телеграфных линий (предтечи Интернета). Тот мир со «спонсором» в лице Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце», состоятельный человек мог объехать, мог вложиться в любой бизнес в любом месте, благо валюты имели золотой стандарт и без проблем обменивались, а политических границ и бюрократических барьеров было меньше, чем теперь.

Постиндустриальная эпоха просто совпала с новой волной глобализации, снижения роли государств и их границ в мировой экономике, которой правит транснациональный капитал. Тут явно помогла информатизация, облегчая оперативное управление бизнесом, рассеянным по свету. А по мнению ряда авторитетов, включая таких, как С. Сассен, – и «сервисизация» [Sassen 1994 и др.]. Но это как раз спорно, учитывая отмеченную выше сравнительную иммобильность ряда услуг, что скорее способствует их кластеризации на локальном уровне. Может, речь о всепроникающих сетях (к примеру, отелей «Мариотт», «Шератон», где акула мирового капитала ищет стандартный комфорт)? Так или иначе, ТНК как главные агенты глобализации могут весьма свободно помещать капиталы и предприятия, сохраняя штабы и мозги в старых опорных центрах.

Вот и *постиндустриальный парадокс*: информационно-деловые акторы мыслят и действуют глобально, вроде бы стирая дистанции и границы, но сами вместе со своим сектором устроены иерархично и весьма избирательно, локально. Говорят, мы живем в эпоху сетевых структур, якобы заведомо полицен-

тричных. Однако сети бывают разные: циклические с преобладанием горизонтальных связей и централизованные иерархические, пирамидальные (рис. 2).

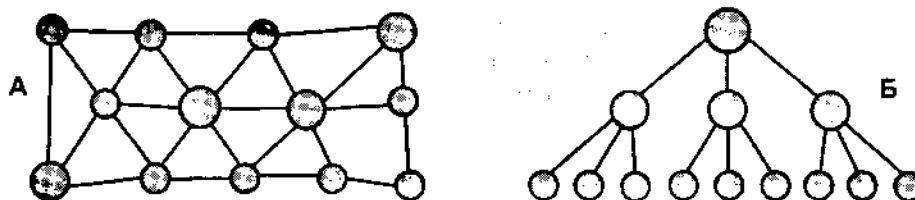

Рис. 2. Примеры сетей с преобладанием циклов (А) и иерархий (Б)

Бизнес может строиться и так, и сяк. Там, где большие деньги, ресурсы, ТНК, он тяготеет к иерархии, что делает глобальную экономику управляемой из немногих мест. Всех же узлов в ее сетях – мириады. В одном месте изобретают, в другом испытывают, в третьем штампуют, в четвертом за всем следят и всем рулят. Ну и везде потребляют в меру платежеспособного спроса. Места четвертого типа всех «главнее», они дирижируют потоками капитала и информации. Там находятся рубильники, которые их включают и выключают, меняют направления. У каждой корпорации своя сеть таких командных пунктов, а все вместе они тяготеют к местам, выросшим как узлы управления крупными державами. Это и есть *мировые, или глобальные города*.

Очень часто эти прилагательные используют как синонимы, но иногда различают по тем или иным основаниям. Нюансы примерно те же, что у терминов *мировая* и *глобальная экономика*, которые, быть может, и возникли-то в разное время. Но в шаге от узкого круга знатоков они едва ощутимы, особенно у нас, где вся эта тематика пока еще внове. Правда, она недалеко от старой советской концепции опорного каркаса расселения и хозяйства, узлами которого считали крупные города и агломерации [Кудрявцев 1989; Ланто 1997, с. 114–125 и др.]. Мировой город – это и есть каркасный узел «неоглобальной» экономики, хотя у него можно обнаружить непривычные свойства.

Со студенческих лет географу памятли два пути структурного развития хозяйства: выделение новых отраслей и формирование межотраслевых территориальных сочетаний (комплексов) разного ранга: национальных, региональных, локальных. Но это схема. А реальный район зачастую может быть отнесен не к одной стране, центр – не к одному району и стране, но ко многим сразу. И наоборот: центру есть дело не только до своего района и страны, он может «работать» куда шире экономически, политически, культурно и т. д.

Отсюда второй парадокс, вернее нарушение иерархии привычного политического мира и хозяйственных миров-империй Броделя–Валлерстейна. «Меньший» объект (город) командует «большими» – своими и чужими странами, регионами, а в каком-то смысле – всем миром. Что не ново: столицы бывших империй делали то же самое, и не только внутри этих империй. Достаточно вспомнить о роли Лондона в глобальную эпоху *Rex Britannica*. Иерархии современных миров-экономик это соответствует и подавно.

Возраст мировых городов, не термина (его как будто использовал И. Гете, вводили в науку в начале XX в. шотландский урбанист П. Геддес, немецкий историк О. Шпенглер), а явления, весьма почтенный: тысячи лет. Мировые города древности были, конечно же, центрами империй. Европейцы обязательно вспомнят Рим, но его предки стояли в Египте, Месопотамии, Персии³. И дальше, восточнее. А потомки – во всех частях света.

Выделение мировых городов: сколько и где

Современной общепринятой, почти канонической сети мировых городов около 10 лет. Ее выделила исследовательская группа глобализации и мировых городов (GaWC SG) во главе с П. Тейлором [Beaverstock, Smith, Taylor 1999] по наличию штаб-квартир и представительств ТНК четвертичного сектора, точнее – даже только четырех бизнес-услуг: финансовых, аудиторских, рекламных и юридических. Почему именно их, как этот подход складывался и чем он оснащен методически, можно узнать на обширном сайте GaWC, а также из отечественной литературы [Слука 2005; Курасов, Трейвиш 2006 и др.]. Важно все, но на таких вопросах можно застрять. Лучше сразу перейти к результатам, которые с теми или иными оговорками принимают и от которых «пляшут» почти все дальнейшие исследования, особенно западные.

В сети GaWC 55 сложившихся фокусов «быстрого мира» (выражение П. Нокса) – мира развития, узлов каркаса современной глобализации. Они разделены по значению на три серии (класса): альфа, бета и гамма. Плюс 67 потенциальных – кандидатов на роль мировых (рис. 3). Выделяются три главные арены, скопления городов всех трех классов: Европа, где их наибольшее количество, США и АТР. Вместе это «кольцо северной олигополии», так или иначе заметное на любых экономических картах. Мировые ядра и растят эти города. С другой стороны, их наличие – залог успеха самих ядер. В полупериферийных странах есть города серии бета (Москва, Сан-Паулу, Сеул), на периферии же мало и гамма-центров. Среди огромных мегаполисов небогатой, но все чаще относимой к полупериферии мира Индии GaWC не нашла их вовсе, только троицу потенциальных.

Ни людность города, ни его столичный статус в крупном государстве сами по себе мировой роли не гарантируют, хотя у центра, где меньше полумиллиона с пригородами, шансов тоже немного. Самый малый из них в сети GaWC – Женева – имеет 0,4 млн жителей. Национальных столиц среди 55 узлов сети только 27, а крупнейших по людности или экономическому «весу» в своих странах (т. е. столиц неформальных) все-таки почти 35, или 63%. Но при этом 800-тысячный с пригородами Цюрих относится к серии бета, а 12-миллионный Стамбул – к серии гамма.

³ Руины Персеполиса у иранского Шираза – память об империи Ахеменидов, где столицей было несколько. В этой встречали Новый год. Навруз. И тогда через «Ворота наций» шли с дарами посланцы всех сатрапий Дария, раскиданных от Индии до Греции (пока сюда не явились фаланги Александра Македонского). Если не мировой город, то «полумировой» – центр старого полусвета.

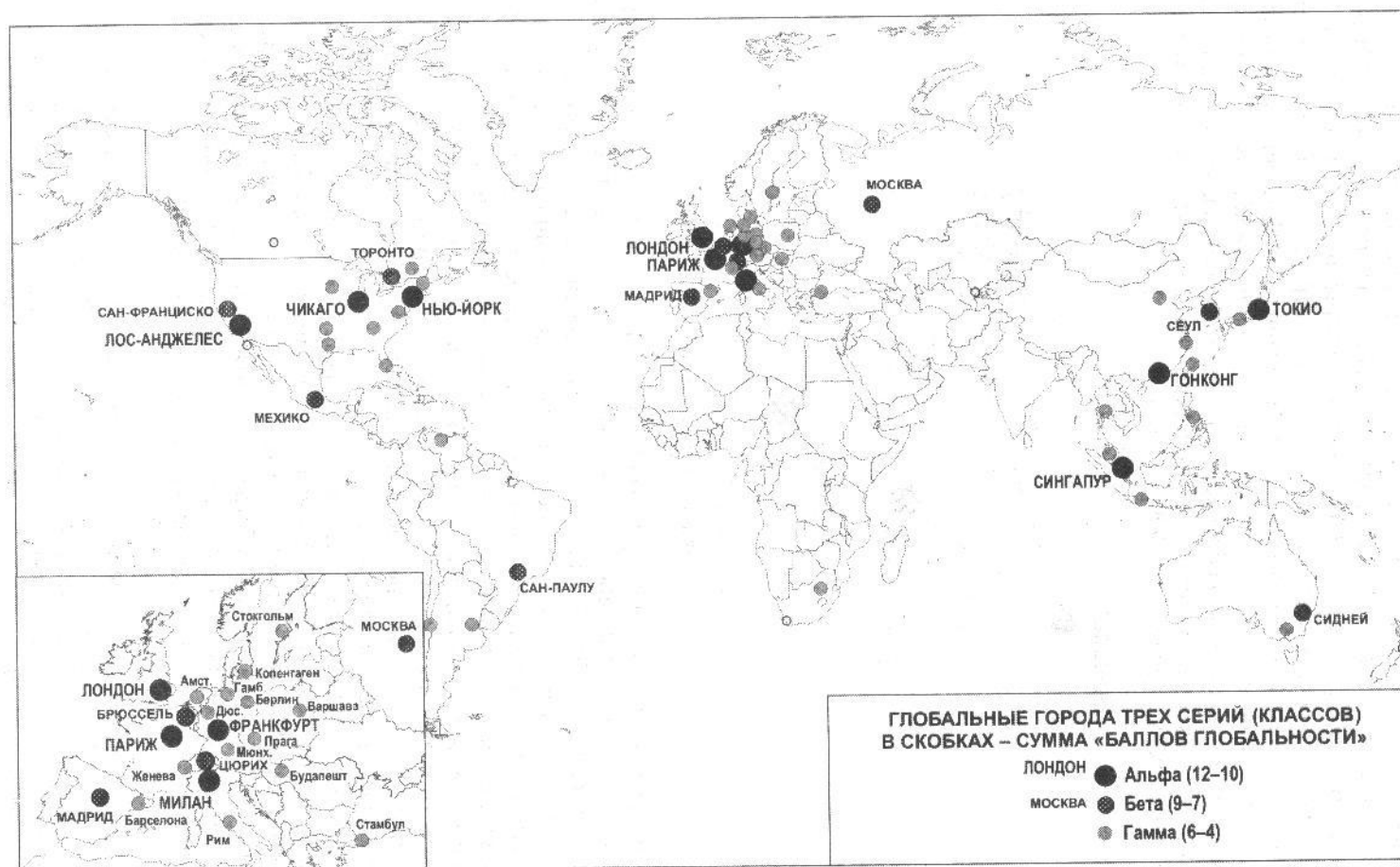

Рис. 3. Сеть мировых городов группы GaWC

Другой яркий пример. Берлин в Германии крупнейший город, снова столичный, да и глобальный, но всего лишь класса гамма, подобно трем другим в этой стране. Из ее пяти мировых городов (там их больше всего после США с их 11 узлами) класс альфа имеет Франкфурт-на-Майне, не самый большой и даже не столичный град своей земли. Но зато – одна из вершин «столичного треугольника» Евросоюза (рис. 4), кстати говоря, вписанного в Прирейнский мегалополис. Прежде всего это финансовый центр: столица марки, ну а теперь евро. Правда, за американскую небоскресность делового центра, меркантильность и суетность он получил у немцев иронические прозвища: Майнхэттен, Банкфурт и даже Кранкфурт [Бусыгина 1999, с. 176; Курасов 2007].

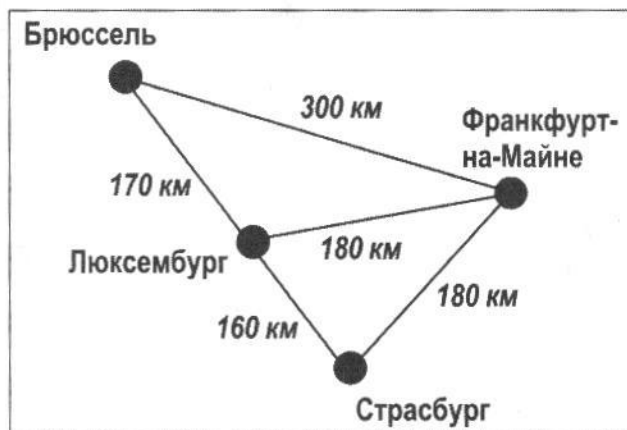

Рис. 4. «Столичный треугольник» ЕС (схема)

Нервные узлы постиндустриального мира отличаются от былых имперских столиц, от просто мегаполисов и тем более мегалополисов. В словах путаются даже редакторы-профессионалы, а это разные таксономические уровни урбанизации⁴. Есть геоурбанисты, считающие, что феномен мировых городов, «новая география центральности» опровергли прогнозы пространственного хода урбанизации как ее расположения по мегалополисам. Расположение-то продолжается, ведь вся Земля только перешагнула символический рубеж в 50% горожан. Резервы есть, в том числе для новых мегалополисов в Третьем мире. Но на этом фоне происходит расслоение с выделением элитарных по своим функциям узлов глобального дальнего действия.

Впрочем, если городов густо, редко пустует и сеть мировых. Рейнская ось Европы, мегалополисы США Босваш и Сан-Сан, японский Токайдо, да и вся краевая линия АТР (пусть пока и рыхловатая), отчасти юго-восток Австралии и Латинской Америки служат субстратами, питательными бульонами для мировых городов, созданными «обычной» урбанизацией. Сам же глобальный город – уже продукт их специфической избирательной кристаллизации.

⁴ Мегалополис – просто город-гигант или его агломерация. Мегалополис, выделенный впервые Ж. Готманом на востоке США как уникальный объект (ныне Босваш: Бостон – Вашингтон), уже группа, обычно полоса сближенных агломераций. Агломерации нужен не одинокий город, а мегалополису – не одна агломерация. Типичные размеры мегалополиса: площадь от 100 тыс. км² (две Московские области), протяженность 400–700 км, население не менее 25 млн человек.

Можно сравнить развитие просто крупных и глобальных городов страны, разбив их на категории по людности (скажем, более 5 млн человек; 1–5 млн и 0,4–1 млн человек), сопоставив их с классами глобальных, если они имеются, и вычислив простые меры крупногородского и глобально-городского развития и индекс глобальности крупных городов:

$$K_{\text{кг}} = 4N_1 + 2N_2 + N_3; K_{\text{гг}} = 4N_{\alpha} + 2N_{\beta} + N_{\gamma}; I_{\text{гкг}} = K_{\text{гг}} / K_{\text{кг}},$$

где N_{α} , N_{β} , N_{γ} – число городов трех серий; N_1 , N_2 , N_3 – число городов выделенных категорий людности (множители выбраны эмпирически).

Эта операция показала следующее [Курасов, Трейвиш 2006].

Коэффициент крупногородского развития $K_{\text{кг}}$ высок у мировых гигантов – Китая и США. Россия, Бразилия, Мексика, не говоря об Индии, тоже опередили многие страны. $K_{\text{кг}}$ низок там, где доминирует столица и мало других крупных городов: в Дании, Швеции, Венгрии, Таиланде. Глобально-городские показатели $K_{\text{гг}}$ низки у стран с одним центром серии гамма (а это почти половина государств, где они есть), и максимален у США и Германии. КНР мало уступает последней, однако единственный центр альфа, «англо-китайский» Гонконг, выращен не ею. Япония, один из мировых экономических лидеров, по $K_{\text{гг}}$ попала на уровень Италии. У России, снова вместе с Бразилией и Мексикой, а еще с Южной Кореей и Венгрией, этот показатель весьма скромнен, ибо у нее один полноценный мировой город Москва (да потенциальный Петербург, но ему было далеко до реального успеха по принятым GaWC критериям).

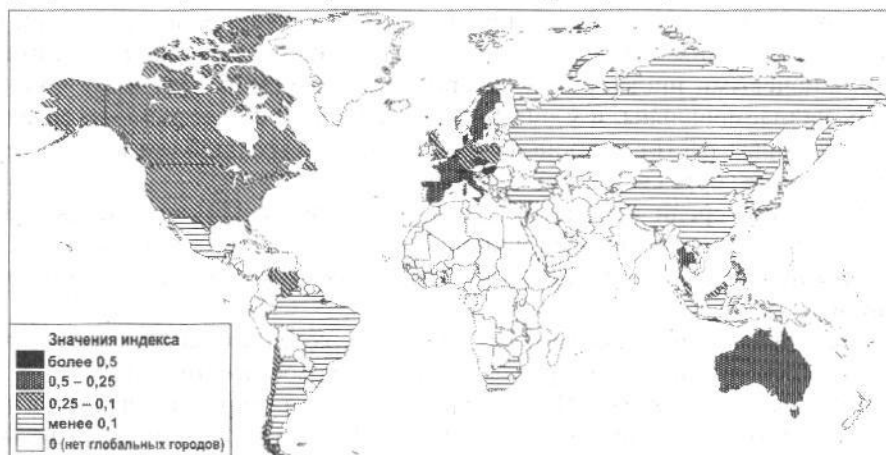

Рис. 5. «Индекс глобальности» крупных городов по странам

Судя по корреляции между $K_{\text{кг}}$ и $K_{\text{гг}}$ (0,65), развитие глобальных городов зависит от крупногородского, но жестко им не детерминировано. Индекс глобальности крупных городов $I_{\text{гкг}}$ (соотношение сетей) зависит от уровня экономического развития, от уровня урбанизации и от строения городской сети. Высокий индекс может быть следствием гипертрофии вершины и крутизны ранг-размерного распределения городов. Сверхцентру легче стать мировым, чьи функции локализованы строже других, от которых зависит вся городская сеть. В странах с таким центром $I_{\text{гкг}}$ при прочих равных условиях выше, чем у их антиподов. Но прочие равные условия редки, и Дания, Венгрия, Франция, Таи-

ланд как лидеры по $I_{\text{ГГ}}$ моноцентрического типа соперничают с Австралией, Италией, Испанией, где пара «столиц» тоже добивается глобалистского успеха. Германия, Великобритания, Канада, США, Япония, при высоких $K_{\text{Г}}$ и $K_{\text{ГГ}}$, от них все-таки отстают. В аутсайдеры попали обширные среднеразвитые страны, где просто многолюдных городов больше, чем мировых. Наравне с ведущей тройкой Латинской Америки и Китаем к ним относится Россия. В том числе из-за большой территории, способствующей росту крупногородской сети скорее «вширь», а не «вглубь» (рис. 5).

Можно ли как-то иначе?

Изложенные итоги беглого анализа опирались в части мировых городов на сеть GaWC. Ее связи с параметрами национальных городских сетей, а значит способность стран или регионов «выращивать» такие центры изучены слабо. К тому же эта сеть не безупречна. Явно узок сам подход (напомним: только четыре вида бизнес-услуг), за что GaWC порой справедливо критикуют.

Недостатков в критериях и методах GaWC вообще хватает:

1. Недоучет организующих центров ТНК не только в сфере деловых услуг. Если глобальный город – организующий центр всей мировой экономики, для него вообще-то важны все корпорации, включая, например, промышленные и транспортные.

2. Игнорирование политической роли городов, имеющих черты столиц, и не только государственных. Реальный глобализм – это еще региональные интеграции с их ключевыми институтами, местами проведения встреч и др. Они, как минимум, наднациональны, и у них (а также у ООН и общественных организаций, роль которых растет на фоне остроты глобальных проблем и разочарования в бюрократии) есть свои штаб-квартиры.

3. Отсутствие среди критериев мировых городов коммуникационной компоненты и вместе с тем информационной, хотя это одна из их главных функций, для чего им нужна мощная инфраструктура телекоммуникаций, воздушных сообщений и т. д.

4. Невнимание к мировым городам прошлого, когда критерии, видимо, отличались от нынешних постиндустриальных. Да и первое десятилетие нового века могло внести свои коррективы. Правда, проблема носит широкий характер и касается признаков разных стадий любого развития. При этом к любому ее решению – когда признаки вечны или, наоборот, переменчивы – легко предъявить претензии.

5. Отвлеченность от национальных, региональных и местных условий развития ГГ. При всем «космополитизме» их нельзя считать иванами, вовсе не помнящими родства. Если их и напоминают международные по виду и роли деловые зоны города, то весь его организм никогда не висит в «мировом пространстве». Традиции и корни важны для его общего успеха не меньше деловых и технических факторов. Даже у городов-перекрестков и «имплантантов» (Гонконга, Сингапура) своя история, особая симбиотическая культура. Отсюда потребность в сочетании универсальных критериев с персональным анализом отдельных мировых городов и их национальных групп.

Мы пробовали выделить мировые города «дальней» Европы по более широкому и отчасти привычному кругу признаков [Курасов, Трейвиш 2006]:

людности, валовому продукту (оценка для агломераций), бизнес-аттрактивности (штаб-квартиры 500 компаний любого профиля, данные опросов девелоперов), коммуникационной (пассажирооборот международных аэропортов, мощность оптоволоконных линий) и политической роли (международные организации и встречи). Городов в итоге выбрано столько же, сколько у GaWC, и они тоже разбиты на три класса. Сети совпали на 86%, хотя классы зачастую получались другими (рис. 6).

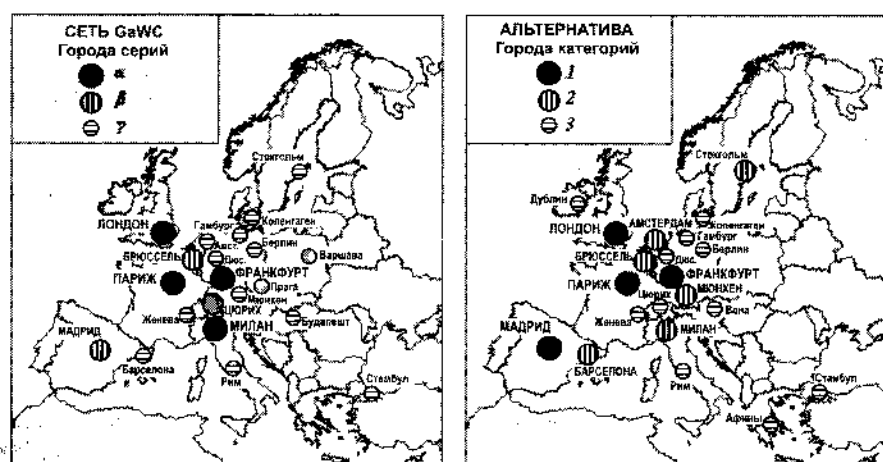

Рис. 6. Глобальные города Западной и Центральной Европы: сеть группы GaWC и альтернативная (версия авторов)

Что особенно примечательно, наш альтернативный подход сработал в пользу не «новой Европы» (так называемой Центрально-Восточной), а «старой» Западной, ее «запасных игроков», потенциальных мировых узлов: место Будапешта, Праги, Варшавы заняли Афины, Вена, Дублин. Сеть GaWC как раз лояльнее к переходным экономикам, поскольку реагировала на приход туда ТНК и бум деловых услуг в пустом, так сказать, для них месте, но в первую очередь в столицах стран.

Результат оказался отчасти неожиданным, но нам он понятен. Общий уровень развития городов, отражаемый традиционными показателями, на Западе все же лучше. Но не означает ли это возможности такого типа развития, когда глобальное стимулирует общегородское, а не наоборот? Если так, то есть надежда и для других стран, где пока явно недостает мировых городов.

Другое дело, что постиндустриальный глобализм – не синоним полицентризма. Многое зависит от развитости его «плацдарма» и обилия потенциальных точек. В странах среднеразвитых один центр глобального значения зачастую формируется ценой жесткого отбора. Иллюзии и прожектерство, вроде доморощенной идеи мегалополиса Москва–Петербург (через вторичную нечерноземную пустыню, созданную всасывающей работой самих столиц) или «мировых» Сочи и Владивостока как центров важных, но разовых международных мероприятий, к добру не ведут. Натянуть желаемый результат старым способом ударной стройки, а тем паче манипулирования со статистикой не так просто, как может показаться. И приведенный выше пример с альтернативным выделением европейских глобальных городов это подтверждает.

Сеть группы Тэйлора все же остается единственной общепринятой. Другой просто нет. А GaWC, надо признать, прислушивается к критике, активно исследуя недостающие аспекты. Но в рамках все той же своей сети. Особняком стоят исследования единичных городов, выбор которых определяют интересы той или иной школы. В англоязычном мире особенно много работ о Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе. Есть и более широкие издания, вроде серии «Мировые города» (John Wiley & Sons). Правда, в нее входят книги о сомнительных мировых столицах, например о зимбабвийской Хараре. Города мира и мировые города – это все-таки далеко не одно и то же.

В любом случае количество мировых городов отражает характер развития страны. У царской России их, возможно, было три-четыре. Кроме Москвы, конечно же, и столичный Санкт-Петербург, а еще симметричная ему Одесса, южное морское окно в мир, четвертый по населению город империи. Ну и Варшава, третий город и тоже окно на Запад, но сухопутное. Впрочем, то были другая эпоха и другая страна.

А 55 мировых городов по GaWC – число в некотором роде мистическое. Сто лет назад на планете было примерно столько независимых государств (примерно, ибо и оно не очень точное: трудно сказать, были тогда государствами Афганистан, Тибет и некоторые им подобные страны или нет). За век их стало вчетверо больше – 200 с чем-то⁵. И никто не поручится, что процесс создания национальных государств завершен, что ими никогда не станут Баскония, Курдистан и тот же Тибет. Этнологи насчитывают на Земле примерно 5000 народов. При реализации их прав на самоопределение стран станет еще в 25 раз больше, их средняя площадь упадет с 680 до 25–30 тыс. км², население (даже учитывая прогноз его роста на планете) с 30 до 2–2,5 млн человек. Но тогда политические карты некоторых частей мира, таких как Балканы и Кавказ, будут выглядеть настоящими лоскутными одеялами.

Этому возврату к Священной Римской империи должен быть противовес сильнее номинальной «империи германской нации». Он и есть: глобализация, а также ее слоисто-сетевые (сквозные) и региональные фрагменты. И тот факт, что ее опорных узлов, мировых городов, в сумме на Земле именно 55 – как было стран до лоскутизации мира – быть может, не случайно. Или, по крайней мере, символично.

Мораль: зачем они все-таки нужны

Кто-то спросит: а как же антиглобализм, в частности направленный против таких символов и эпицентров глобализации? Как быть с неприятием «майнхэттенов», одинаково скучных, а то и уродливых палатей национальной и городской самобытности? Привычки и вкусы международного бизнеса известны, вот глобализм и выливается в эти серийные бесконечные международные аэропорты,

⁵ Все алфавитные списки государств начинаются на кириллице с Австралии, на латинице – с Афганистана. Но не с Абхазии, как следовало бы в обеих версиях и как вряд ли последует на Западе даже теперь. Этот мир непризнанных стран (начиная со старейшего Тайваня и его Тайбэя, мирового города класса гамма у GaWC), разделенных и подчиненных наций иногда объединяют в особый Четвертый мир.

навороты новейшей наземной инфраструктуры, в холодные небоскребы деловых районов, где холодный международный бизнес всегда как дома, в своей ледяной стихии и среде.

Но не все же бездушные коробки! Они могут оказаться и шедеврами. Уместно вспомнить, как Париж клял когда-то Эйфелеву башню, а она стала его символом. Уолл-стрит и лондонский Сити, парижский Дефанс и токийский Синдзюку – тоже символы не только глобализма, но и своих городов и стран. Можно еще задать встречный вопрос: а чем краше и нестандартнее промышленные или жилые трущобы? Иногда они колоритны, и если быстро исчезают, как старый Пекин, то это потеря. Но скорее для туристов, чем для самих обитателей.

А что до мировых городов, то они не состоят из одних небоскребов, там всегда есть локальный слой с укорененным социумом, полунатуральной, часто весьма неформальной экономикой. Он же инфраслой по схеме трех слоев экономики Ф. Броделя [Бродель 2006]. Средний слой – это рыночная экономика, прозрачная и подчиненная известным законам. А над ним – слой суперкорпораций, торговых и банковских домов, валютно-биржевых игроков вроде Дж. Сороса. Лишь этот верхний слой возрастом до 500 лет Бродель считал капиталистическим. И он глобален, особенно теперь. Но все слои можно найти в одном месте, только в разных пропорциях и сочетаниях. В Москве, как в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Гонконге, немало маргиналов с образом жизни инфраслоя. Но там и другие слои, а вот в глухой деревеньке – обычно только один, нижний.

Бьющий в глаза глобализм среды и в глобальном узле не обязателен. Идешь по Дюссельдорфу, после Франкфурта второму по «баллу глобальности» GaWC городу Германии, но с человеческим масштабом, старобуржуазной респектабельностью. И кажется – вот-вот встретишь воротилу Рура, выгуливающего в магазины и театры жену с дочкой после переговоров с другими воротилами. Для этого они сюда и наезжали. Старые воротилы в сюртуках и цилиндрах почему-то гораздо симпатичнее новых в демократичных джинсах, но тоже с заводами, газетами и футбольными клубами. Впрочем, наверное, это только патина времени...

Одно из загадочных свойств элитных центров состоит в их устойчивости, крепкой «памяти места», способности к долгой эксплуатации и воспроизводству этого весьма нематериального актива в самых тяжелых исторических условиях. За примерами не надо ходить далеко. Вскоре после победы советской власти оба окна в Европу – Санкт-Петербург и Одесса – закрылись, им пришлось «переквалифицироваться в управдомы», то бишь в «великие города с областной судьбой», в промышленные центры, каких было в СССР немало. Бури XX в. физически пережили считанные потомки коренных петербуржцев и одесситов. И все же микроскопических гуманитарно-генетических доз, некоторых институций да еще «камней» – старых зданий театров и музеев, улиц и площадей – хватило, чтобы надолго сохранить дух и неповторимый имидж этих городов, ну хотя бы отчасти.

Случись – не дай Бог! – что-либо подобное с Москвой (как в 1812 г.), она, надо думать, продемонстрирует такую же трагическую и железную стойкость, несмотря на нынешнюю безумную и бездумную травлю старомосковской среды. С другой стороны, нелишне вспомнить о том, как Петр I рубил свое окно по образу и подобию любимого им Амстердама, как улицы Одесской зоны порто-

франко мостили итальянским балластным камнем из трюмов тех судов, что шли порожняком за российским зерном. Ну и что: разве один город стал голландским, а другой итальянским, или они стали «никакими»? Ничуть. Чужеземные прививки и подпитки переварены, усвоены, пошли на пользу не только им самим, но и всей стране. Культурное разнообразие, подобно природному, ценно и само по себе. Может быть, не чрезмерное, как-то дозируемое, регулируемое. Только о мере трудно судить современникам. Суд вершит история.

Да, мировые города – это очаги культурных «псевдоморфоз», как их назвал когда-то О. Шпенглер. Современному антиглобалисту они кажутся такими же несправедливыми и чужими, каким эллинизированный Иерусалим казался Христу, а европеизированный Петербург – Достоевскому. Но у всякой медали две стороны. И прежде чем вынести суровый приговор, надо учесть, что с помощью «псевдоморфоз» такие города страхуются от национальных увяданий, спадов и кризисов, сохраняя для всей страны каналы связи с внешним миром и потенциал развития. Известно, что периферию не вырвать из кризиса и застоя, если из них не вырвутся сами центры. Вот и *raison d'être* (оправдание бытия) этих элитарных, эгоистичных, холодных, бесчеловечных, но для кого-то все равно теплых, родных и дорогих мировых городов.

Литература

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. М.: Весь мир, 2006. Т. 1.
- Бусыгина И.М. Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 1999.
- Кудрявцев О.К. Глобальный каркас расселения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1989. № 4.
- Курасов А.В. Особенности формирования глобальных городов Германии // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М.; Смоленск: Ойкумена, 2007.
- Курасов А.В., Трейвиш А.И. Постиндустриальная экономика и глобальные города // Шестые сократические чтения. Постиндустриальная трансформация социального пространства России. М.: Эслан, 2006.
- Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997.
- Менделеев Д.И. К познанию России. 6-е изд. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1907.
- Синцеров Л.М. Ритмы глобальной интеграции // Экономическая география мирового развития. XX век. СПб.: Алетейя, 2003.
- Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005.
- Трейвиш А.И. География мирового развития: насущная потребность, мода или утопия? // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004.
- Beaverstock J.V., Smith R.G., Taylor P.J. A Roster of World Cities // GaWC Research Bulletin, 1999, 5 (z) – <http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb5.html>
- Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: McMillan, 1940.
- Coomaraswamy A. (ed.). Essays in Post-Industrialism: A Symposium of Prophecy Concerning the Future of Society. London, 1914.
- Fisher A. Production: Primary, Secondary and Tertiary // Economic Record. 1939. № 15.
- Sassen S. Cities in a World Economy. London: Pine Forge Press, 1994.